

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ И УРОКИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Нальчик, 30 июня – 2 июля 2022 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА»
ФГБНУ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ОПЫТ И УРОКИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Нальчик, 30 июня – 2 июля 2022 г.)

Нальчик – 2022

Издательская типография «Принт Центр»

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРЯД ПРИВОДА НЕВЕСТЫ У АБХАЗОВ

САНГУЛИЯ Э.В.

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Академия Наук Абхазии, г. Сухум.*

Аннотация. Установлено, что в старину у абхазов свадебное торжество сопровождалось многочисленными и разнообразными обрядами и ритуалами, призванными обеспечить молодых счастьем, богатством и плодовитостью. Целью данного исследования является изучение и описание примет и ритуалов, связанных с приводом невесты у абхазов. При этом автор делает акцент на традиционном материале, что позволило установить, что в старину у абхазов свадебный обряд состоял из большого количества сложных элементов, сопровождавшихся различными магическими актами, оберегавшие новую семью от сглаза, порчи и злых духов, обеспечивая тем самым им счастливую жизнь.

Ключевые слова: абхазы, свадьба, свита жениха, привод невесты, обряды, ритуалы.

THE TRADITIONAL CEREMONY OF BRINGING THE BRIDE AMONG THE ABKHAZ

SANGULIYA E. V.

Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after DI. Gulia Academy
of Sciences of Abkhazia, Republic of Abkhazia, Sukhum.

Annotation. It has been established that in the old days among the Abkhazians, the wedding celebration was accompanied by numerous and varied rites and rituals designed to provide the young with happiness, wealth and fertility. The purpose of this study is to study and describe signs and rituals associated with bringing the bride among the Abkhaz. At the same time, the author focuses on traditional material, which made it possible to establish that in the old days among the Abkhazians, the wedding ceremony consisted of a large number of complex elements, accompanied by various magical acts that protected the new family from the evil eye, damage and evil spirits, thereby providing them with a happy life.

Key words: Abkhazians, wedding, groom's retinue, bride's arrival, ceremonies, rituals.

Бытовая культура этноса представляет собой сочетание традиционных и новационных черт, взаимодействия которых определяют реальную картину повседневной жизни социума. С этой точки зрения изучения бытовой культуры в контексте саморазвития ее исконных и заимствованных форм является актуальной задачей этнографической науки.

Цикл свадебного обряда у абхазов, как и у других кавказских народов, всецело состоял из большого количества разнообразных, порой сложных элементов, выполнявшихся в строгой последовательности. Однако, автор не ставит перед собой задачу охватить весь свадебный цикл, а ограничивается лишь описанием одного из наиболее ярких, интересных этапов – привод невесты, который являлся и является до сих пор кульминационным моментом свадебного цикла. Как указывали многие авторы (Ш. Инал-ипа и др.) данный обряд представлял собой, в известной степени, театрализованное представление.

Прежде чем перейти к основному вопросу исследования, следует отметить, что браки у абхазов были и остаются строго экзогамными, при вступлении в брак, учитываются кровнородственные запреты, как по отцовской и материнской, так и по линии обеих бабушек.

Если сегодня молодые имеют возможность свободно общаться, то в традиционном абхазском обществе практически отсутствовал институт предбрачного ухаживания, непосредственное общение молодых порицалось обществом. В силу того, что молодым людям даже не полагалось говорить старшим о своем намерении жениться, они это делали через младших членов семьи или близкого друга. Местами встреч для молодежи были свадьбы, народные гуляния, молодежные игры, похоронно-поминальные мероприятия, дом самой девушки и т.д. В большинстве случаев инициатива исходила от родителей молодого человека или родственников, которые в завуалированной форме перед ним восхваляли дочь «таких-то».

По настоянию родителей, по инициативе друга или же по собственному желанию, молодой человек, в сопровождении одного-двух близких друзей, посещал дом приглянувшейся девушки, в виде запоздалого путника или под каким-либо другим предлогом, на смотрины (*пхэзызбабара*). По этикету гостеприимства хозяева не спрашивали о цели визита гостей. Гости сами представляли друг друга, жениха представляли также друзья, намекая на то, что он еще не женат. И за столом молодой человек вел себя также скромно, за него на вопросы отвечал его друг, который всяческий старался подчеркнуть положительные стороны сопровождавшего его молодого человека. Именно по поведению молодых людей, хозяева дома догадывались о цели их визита. Гости оставались на ночь. Если девушке нравился жених, то она всячески старалась выказывать свою почтительность. А если напротив, девушке не понравился жених, то она демонстрировала это «посредством наизнанку надетым передником или крапивой, которую она подкладывала под простыню. Свою симпатию или же неприязнь молодой человек выражал своим друзьям за столом с помощью определенного наклона ножа» [1, с. 15]. Невербальное общение посредством атрибутов известны и другим народам. Например, у адыгов если «девушка хотела показать свое расположение к юноше, то отсылала спелое наливное яблоко – оно в данном случае имело символическое значение; в противном случае она посыпала неспелую кислую грушу» [2, с. 47].

Если молодые нравились друг другу, то достижению согласия сторон способствовал посредник (*ақъаզъария*). В переговоры о сватовстве с родителями приглянувшейся девушки вступал именно посредник, по просьбе самого молодого человека или же по инициативе его родителей. Им мог быть в основном мужчина среднего или старшего возраста, «имевший имя» (*ахъз змоу*) в обществе, обладавший "счастливой ногой" и особым даром убеждать людей. Данные качества являлись признаками успешного исхода дела.

Акягярия принимался за выполнение возложенной на него миссии. С этой целью отправлялся в дом девушки и приступал в переговоры, которые «по обычаям происходили в иносказательной форме, с завуалированными вопросами и уклончивыми ответами» [3, с. 84]. Если кандидатура молодого человека не нравилась, родители отвечали уклончиво, но даже если были согласны, этикет не позволял принять предложение сразу. Поэтому акягярия приходилось ходить в этот дом не раз. В случае успешного исхода, в знак благодарности, посреднику дарили шкуры жертвенных быков, заколотых для свадебного пира [4]. В некоторых случаях сам сват проявлял инициативу в выборе невесты.

Только после предварительного согласия родителей невесты происходило официальное сватовство. В связи с чем, в назначенный день отец жениха с подарками, в сопровождении почетных односельчан отправлялся в дом сватаемой девушки. Хозяин, предупрежденный, заранее о приходе гостей готовился к их приему. Перед тем как сесть за стол, старший из сватов сообщал о цели их прихода и от имени отца жениха дарил подарки. После этого гостей усаживали за стол. В день официального сватовства молодые обменивались подарками – *анапеимдахъа*, и в знак выражения нерушимости состоявшегося соглашения (*ағаархәра*) бросали пулью (*ахкариәра*) перед отцом невесты. С этого момента до свадьбы девушка оставалась «сидеть нареченной» (*дҗәаны дтәан*) в доме своего отца.

В день свадьбы свита жениха (*аҭааагаңә*), состоящая из его ближайших родственников и друзей, нескольких женщин среднего возраста, одна из которых обязательно должна была пользоваться большим уважением в обществе. Группу сопровождения невесты возглавлял мужчина почтенного возраста, обладавший ораторскими способностями. Они отправлялись в дом невесты под покровом ночи, во избежание всякого сглаза. Сам жених, по обычаю, не сопровождал свиту. Он со своим дружкой проводил время в соседском доме, в окружении сверстников, но присутствие посредника (сват – *ақъағъарыа*) среди свиты было обязательным, поскольку, в случае отказа стороны невесты выдать свою дочь замуж, он должен был силой отбить ее, ибо вся ответственность ложилась именно на него.

За невестой отправлялись на лошадях под покровом темноты, чтобы темные силы не помешали делу. Отдельно вели оседланную лошадь и для невесты. Осведомленные о приходе гостей, хозяева устраивали пышное угощение. Как только свита въезжала во двор, невеста начинала громко плакать. Гостей встречали почетные люди, ближайшие соседи и родственники, приглашенные хозяином. За стол усаживали по старшинству, причем гостей сажали на самом лучшем месте. За столом хозяева никакой спешки не проявляли, но глава свиты всячески пытался «выпросить» невесту, чтобы поскорее отправиться в путь, родные невесты, напротив, всячески оттягивали время отъезда. Женщины и молодые люди из числа поезжан за пиршеством не задерживались. Покинув застолье, они шли в комнату невесты, здоровались с ней, сестра и родственницы жениха окружали невесту. Невеста, в окружении своих подруг, стояла в углу, с закрытым косынкой лицом.

Следует отметить, что в XIX – вплоть до середины XX в., специального свадебного наряда не было. «Исключительной особенностью костюма невесты являлся большой свадебный шарф “*аҭааакасы*”, – “*акас ду*” – что значит буквально – “платок невесты”, большой платок, который и покрывал ее с головы до ног. Этот платок невеста получала от своих родителей и покрывалась им, когда отправлялась вместе со свадебной свитою в дом жениха » [5, с. 101]. Если в XIX в. невесту покрывали белой косынкой, то с 20-х годов XX столетия, вплоть до ее середины, невесту покрывали шифоновым шарфом черного цвета. После свадьбы платок невесты прятался и никому не передавался, т.к. он служил своего рода оберегом для новой семьи.

Не было специальной одежды и для жениха. Он укутывался в бурку и покрывал голову натянутым низко на лоб, с распущенными концами, башлыком.

Наконец, плачущую невесту выводили из комнаты. Ее сопровождали подруга и дружка ее возраста или чуть старше, из числа близких родственников, но не однофамильцев. Невесту выводили под звуки выстрелов с песней и танцами. Однако, только свита жениха имела право стрелять, петь и танцевать. Сторона невесты была лишь наблюдателем – они, стоя в сторонке, тихо плакали. При этом местная молодежь устраивала свите препятствия

шуточного характера. Например, прежде чем подать гостям лошадей, отстегивали подпруги, клали под седла камни, кости, навоз. К хвосту лошадей привязывали дохлых крыс, крапиву. Поэтому поезжане, прежде чем сесть на лошадей, проверяли их. Молодежь на этом не успокаивалась. Они закрывали перед поезжанами ворота и тем самым перегораживали им дорогу, уверяя, что без стрельбы ворота не отворят. Заставляли громко петь и некоторых членов свиты принуждали слезть с лошадей и станцевать под громкий хохот молодежи. Ссылаясь на то, что не так спели или не так станцевали, все это повторялось несколько раз. Завязывалась нешуточная «борьба» между ними, соседская молодежь нападала на свиту, срывая шапки, бурки или какую-то другую вещь. Бывали случаи, когда кого-то роняли случайно, но сердиться никому не полагалось [6]. «Битва» продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь из старших не успокаивал местную молодежь и не открывал дорогу гостям. Это хорошо известные в бытовой действительности абхазов обряды – плач невесты перед выходом из родительского дома, шуточная борьба между отдельными представителями сторон, которые предвещали молодым счастливую семейную жизнь.

Местная молодежь провожала свиту до окраины своего села. Невеста все это время находилась в окружении своего рода. Всю дорогу до выезда из села невесты свите приходилось преодолевать препятствия. И, наконец, миновав все препятствия, забрав невесту, свита направлялась в дом жениха.

Всю дорогу слышны были выстрелы и песня привода невесты (*атაцаагараиэа*). При приближении свиты к дому жениха, один из молодых всадников, обладающий «счастливой ногой» (*зымишьта бзиоу*) вырывался вперед и мчался в дом жениха. Гонец, приблизившись к дому, где проходила свадьба, производил несколько выстрелов, что являлось сигналом о приближении свадебной процессии. Он на полном скаку врывался во двор, взобравшись на лошади по лестнице, въезжал в комнату. Старшая женщина обмазывала ему губы медом, привязывала к уздечке лошади полотенце, дарила шелковый платок. Приняв подарки, гонец спускался по лестнице, сделав несколько кругов во дворе, снова мчался обратно навстречу свадебной процессии. По сведениям Л.Х. Акаба «всю эту церемонию он совершил серьезно, не проронив ни слова, в противном случае считается, что невеста будет болтливой» [7, с. 86].

Тем временем по всему селу разносилась песня привода невесты «Радеда» и выстрелы, оповещающие о приближении свадебной процессии. Гонец присоединялся к ним. Услышав пение и выстрелы приближающейся процессии, и стар и млад выходили во двор, дети с зажженными факелами освещали путь приезжан. Свадебную процессию и здесь ждали препятствия. Более горячие путники, опередив процессию, бросались к дому жениха. Местная молодежь закрывала ворота и не впускала их во двор. И тут завязывалась «борьба». Члены свиты бросались через забор, не щадя лошадей, бывало даже сносили ворота и заборы. Прорвавшийся скакал к лестнице дома, его старались удержать, но все же, одному из них все же удавалось взобраться по лестнице.

Аналогичный обряд мы встречаем и у многих народов Кавказа, в частности у адыгов, когда мужчины из рода жениха вооружившись длинными палками, преграждали путь свадебному поезду [8, с. 208].

Шуточная борьба стихала, как только старшие члены свиты с невестой подъезжали к воротам. Им открывали ворота и они въезжали во двор. После нескольких грациозных кругов на лошадях они спешивались, лошадей отдавали подбегавшим парнишкам. Старшие члены рода жениха приветствовали старших членов свиты, поздравляли с успешным исходом дела и становились поодаль с хозяевами в ожидании ввода невесты во двор. Не-

весту и ее подруг встречали за воротами молодые девушки из рода жениха, обнимали и целовали приехавших. Группа мужчин затягивала «Радеду» и под оглушительный выстрел невеста, в окружении молодежи, направлялась к дому. Посередине двора невесту встречал старший рода, с приветственными, напутственными словами благословлял ее и целовал в лоб. Мать и другие старшие женщины также приветствовали невесту, обходили трижды вокруг нее, и мать жениха или другая старшая женщина рода обмазывала ей губы медом, произнося при этом благопожелания, чтобы «счастливой ногой вошла в свой новый дом и чтобы язык ее был также сладок, как этот мед» [9]. Начинался молодежный свадебный перепляс.

Невесту вводили в специально выстроенное ко дню свадьбы помещение для новобрачных, которое у абхазов называлось *амхара*. Это круглая, сплетенная из прутьев орешника, внутри обмазанная глиной, хижина с конусообразной крышей, с земляным полом, покрытая папоротником. Она строилась позади большого дома, на определенном расстоянии. В старину у абхазов строительство такой хижины было обязательным, даже если во дворе было несколько домов. Молодожены не могли вместе показываться старшим, их семейная жизнь проходила там, старшие, ни при каких обстоятельствах не входили туда. Невесту в день свадьбы вводили в амхару и до определенного момента, т.е. до официального вывода ее из этого брачного домика на пятнадцатый день после свадьбы, она оставалась там.

В момент ввода невесты в амхару, мать или старшая женщинасыпала ее просой, monetami и сладостями, которые собирались присутствовавшими детьми, разламывала над головой специально приготовленный свадебный пирог, начиненный сыром – *ачаиш*, который также раздавался детям. После, став по обе стороны дверей, двое мужчин скрещивали кинжалы над головой невесты и проводили ее. Проведение невесты через железо (*аихайгара*), по поверью абхазов, ограждало невесту от влияния злых сил.

Если у многих народов Северного Кавказа на пороге расстилали шкуру жертвенного животного, то у абхазов относительно данного обряда информация крайне скудна. Сведения о расстилании шкуры животных у абхазов мы находим у А. Аргуна. Как пишет сам автор, это был один из незабываемых эпизодов его юношеской жизни, когда в доме его родственника играли свадьбу, «на полу была растянута шкура домашнего животного, специально для того, чтобы невеста ступила на нее ногой» [10, с. 84]. Как обычай, призванные способствовать продолжению рода, помимо усаживания мальчика на колени невесты, С.А. Табагуа выделяет также усаживание невесты на ковер-подстилку. Сидение на шкуре, как отмечает автор, символ грядущего плодородия, известен как абхазо-адыгским, так и многим другим народам Кавказа [11, с. 75]. О бытований ритуала расстилания шкуры на пороге фиксируются нашими полевыми данными [12].

В Бзыбской части Абхазии невесту сразу вводили в брачный домик, а у абжуйцев, по сведениям некоторых авторов (Ш. Инал-ипа, Л. Акаба), невесту не сразу вводили в амхару, а вели ее в т.н. «большой дом» (*афон-ду*), где обитали старшие члены семьи, давали ей на руку тарелку с просом и яйцом. В сопровождении старшей женщины, трижды обводилась вокруг очага, при этом невеста рассыпала просо, а яйцо одна из молодых женщин катала впереди. Только после этого невесту вели в амхару. У тех же абжуйцев на колени невесте сажали мальчика. Все эти побудительные магические меры – осыпание невесты, разламывание пирога над головой, обвод вокруг очага, усаживание мальчика на колени – были призваны обеспечить молодой семье счастье, плодовитость, достаток. А накрывание

невесты косынкой, выстрелы и проведение под скрещенные кинжалы, как уже отмечалось, это предохраниительные меры отгораживающие невесту от сглаза, порчи и злых сил.

Анализ исследования показал, что в старину каждый элемент абхазской свадьбы имел определенное значение и нес четкий посыл. А что касается современной абхазской свадьбы, то она вобрала в себя много элементов, не характерных для традиционной культуры абхазов, она настолько видоизменилась, что отпал обряд открытого сватовства. Вывод невесты из родительского дома в день свадьбы сегодня не столь распространенное явление.

Несмотря на то, что некоторые ритуалы, такие как стрельба, осыпание невесты монетами и конфетами, скрещивание кинжалов сохранились и по сей день, их магический смысл давно забыт, и само ритуальное действие производится как бы для красоты. Подражая традиционным обычаям и ритуалам, невесту и сегодня выводят из машины под оглушительную стрельбу и свадебный перепляс, а свекровь или другая старшая женщина у лестницы осыпает невесту монетами и сладостями, невеста входит в дом под звон скрещивающихся над ее головой кинжалов. Важным моментом для невесты является «разбивание тарелки», которую сестра или другая ближайшая родственница кладет на первой ступеньке лестницы. В народе верят, что если она не сможет ее разбить, то в семейной жизни их ждет разлад. Проникший в недалеком прошлом из других культур в абхазскую бытовую действительность ритуал разбивания тарелки соблюдается практически на всех современных свадьбах. Как мы видим, в структуре подготовки и проведения абхазской свадьбы лишь упростились ее составные части и сократилась ее продолжительность.

Основной вывод исследования заключается в том, что данный краткий экскурс исторического прошлого обряда привода невесты у абхазов показал, как изменения, которые происходят сегодня в социально-экономической сфере и общественном сознании, вплотную подвели к той черте, которая ведет к неизбежным переменам этой важнейшей обрядности жизненного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айба М.В.* Традиционная культура общения абхазов (в гостеприимстве, свадебном и похоронно-поминальных обычаях и обрядах). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. ист. н. Сухум: «Дом печати», 2005. – С. 15.
2. *Гутова Л.А.* Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – С. 47.
3. *Акаба Л.Х.* Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. Т. I. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 84.
4. ПМА *Ходжава Кондрат Васильевич*. 1925 г.р. Очамчирский район, с. Первая Бедия. 01.08.2007 г.
5. *Малия Е.М., Акаба Л.Х.* Одежда и жилище абхазов (Материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1982. – С. 101.
6. ПМА *Харабуа Бабуца Шиговна*. 1940 г.р. Гудаутский район, с. Ачандара. 28.07.2018 г.
7. *Акаба Л.Х.* Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. Т. I. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 86.
8. Сборник статей по этнографии Адыгеи// Адыг. науч.-исслед. ин-т экономики, яз., литературы и истории ; [Отв. ред. д-р ист. наук Л. И. Лавров, канд. ист. Наук М. А. Меретуков]. Майкоп: [б. и.], 1975 (вып. дан. 1976). – С. 208.

9. ПМА *Джопуа Севериан Чучович*. 1929 г.р. Очамчирский район, с. Члоу. 19. 10. 2010 г.
10. *Аргун А.Х.* Народные танцы абхазов. Москва: Издательство МАААН, 1999. С. 84.
11. *Табагуа С.А.* Обряды и обрядовый фольклор (сравнительно-исторический аспект). Сухум: «Алашарбага», 2012. – С. 75.
12. ПМА *Ашуба-Хаджимба Талико*. 1935 г.р. Очамчирский район, с. Уарча. 24.06.2007 г.; Цвижба-Джопуа Фения Алексеевна. 1939 г.р. Очамчирский район, с. Члоу. 20. 10. 2010 г.; Гумба Роберт Шгутович. 1952 г.р. Гудаутский район, с. Дурипш. 03. 05. 2008 г.